

УДК 808.2:801.55=161(075.8)

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ *РАДОСТЬ* И *ГРУСТЬ* (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

© Гульшат Хайрутдинова, Гюльнара Лутфуллина

FIGURATIVE POTENTIAL OF THE LEXEMS *JOY* AND *FOREX* (BASED ON POETIC WORKS)

Gulshat Hayrutdinova, Gulnara Lutfullina

The article studies a topical linguistic problem: figurative capacities of lexical units as aesthetic elements of poetic language. The object of our research is the lexemes “joy” and “sorrow”, belonging to the emotional vocabulary of the Russian language. The aim of our research is a comparative analysis of the figurative potential of these words, used to reflect the emotional component of the poetic works in the 19th - 20th centuries. The study is based on the works of Russian poets, available in the National Corpus of the Russian language. This article considers only a portion of the linguistic material, in which the lexemes “joy” and “sorrow”, as lexical items related to the concept of “mental”, substitute the left member of the figurative paradigm. The study comes to the following conclusions, which determine the novelty of the work. The two analyzed lexemes have a significant figurative capacity: as a subject of the comparison they can be included into five general paradigms: “mental → water”, “mental → creature”, “mental → mental”, “mental → light”, “mental → space”. However, the lexeme of joy has a wider figurative capacity. The study of its functions has made it possible to identify 8 paradigms: in addition to the 5 general ones, we have noted those, where the position Y is occupied by the concepts “fire”, “food” and “sound”. By analyzing the use of the word “sorrow”, we have distinguished 6 models: apart from the coinciding paradigms, a model has been found in which the image of comparison is expressed by lexemes related to the concept “substance”. The results of this study allow us to correct some traditional ideas about the metaphorical use of the names of feelings. Thus, the dominance of the image of water has been confirmed only by analyzing the functions of the lexeme “joy”. By studying the use of the word “sorrow” in poetic texts we have found that its figurative capacities are most often realized not with the denotations of water, but with the names of creatures.

Keywords: poetic text, names of emotions, lexemes “joy” and “sorrow”, comparative analysis of figurative potential, figurative paradigm.

Статья посвящена актуальной для современного языкознания проблеме изучения образных возможностей лексических единиц как эстетически значимых элементов языка поэтических произведений. Объектом исследования являются слова *радость* и *грусть*, относящиеся к эмоциональной лексике русского языка. Цель работы – сравнительный анализ образного потенциала данных лексем, функционирующих в стихотворных произведениях XIX–XX вв. для отражения эмоциональной составляющей текста. Материалом для изучения послужили произведения русских поэтов, имеющиеся в Национальном корпусе русского языка. В рамках данной статьи рассмотрению была подвергнута лишь та часть языкового материала, в которой слова *радость* и *грусть* как элементы лексического ряда, относящегося к понятию «ментальное», замещают позицию левого члена образной парадигмы. В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы, определяющие новизну работы. Обе анализируемые лексемы обладают значительным образным потенциалом: в качестве предмета сравнения они могут быть включены в пять общих парадигм: «ментальное → вода», «ментальное → существо», «ментальное → ментальное», «ментальное → свет», «ментальное → пространство». Однако лексема *радость* обладает более широкими образными возможностями. Изучение ее функционирования позволило выявить 8 парадигм: кроме 5 общих моделей, отмечены парадигмы, где в позиции Y выступают слова, относящиеся к понятиям «огонь», «еда» и «звук». Анализ употребления слова *грусть* позволил выделить 6 моделей: помимо совпадающих парадигм, определена модель, в которой образ сравнения выражается лексемами, принадлежащими понятию «вещество». Результаты проведенного исследования позволяют скорректировать некоторые традиционные представления о метафорическом использовании наименований чувств. Так, доминирование образа воды подтверждено лишь при анализе функционирова-

ния лексемы *радость*. Изучение употребления слова *грусть* в поэтических текстах свидетельствует о том, что его образные возможности наиболее часто реализуются при сближении не с обозначениями воды, а с названиями существ.

Ключевые слова: поэтический текст, наименования эмоций, лексемы *радость* и *грусть*, сравнительный анализ образного потенциала, образная парадигма.

Изучение наименований чувств, эмоциональных состояний представляет собой перспективный для ряда научных дисциплин способ постижения внутреннего мира человека. Анализ слов, относящихся к эмоциональной лексике, посвящено довольно много исследований. Среди них можно выделить те работы, в которых дается общее описание эмоциональной составляющей речи [Шаховский], анализируется семантика лексем, обозначающих чувства [Бабкина], раскрываются особенности их дистрибуции [Арутюнова] и др. Развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии способствовало изучению наименований чувств как ментальных образований. Так, содержание концептов «радость» и «joy» на материале произведений русской литературы XIX века и их английских переводов рассмотрено в исследовании О. И. Кирьяковой [Кирьякова]. Анализ некоторых эмоциональных концептов, в том числе логотипемы «грусть», сквозь призму польской и чешской лингвокультур представлен в статье Е. Стефанского [Стефанский]. Способы репрезентации концепта «радость» в произведениях русской прозы отражены в работе Е. Г. Озеровой и М. Ю. Покручиной [Озерова, Покручина].

С нашей точки зрения, одним из важных аспектов изучения единиц эмоциональной лексики является описание их функционирования как эстетически значимых элементов языка художественного произведения. Характеристика наименований чувств в рамках обозначенного направления дает возможность заполнить лакуны в области междисциплинарных исследований, касающиеся изучения образности текста, жанрового своеобразия литературного произведения, идиостиля автора и т. д.

Особый интерес представляет анализ этих лексических единиц в аспекте сравнения их функционирования в стихотворных произведениях, так как в них весьма ярко и разнообразно отражается эмоциональная составляющая содержания текста.

В своей статье, являющейся продолжением исследований в области эстетики языка и речи (см., например: [Хайрутдинова, 2014]), мы обратились к анализу функционирования слов *радость* и *грусть* как элементов эмоциональной лексики. Основная цель работы состояла в выявлении образных возможностей данных лексем,

используемых в стихотворных произведениях XIX–XX вв. Материалом для изучения послужили произведения русских поэтов, принадлежащих разным литературным направлениям. Комплексному анализу было подвергнуто более двух тысяч текстовых примеров; источником для сбора и систематизации языкового материала был «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ). Для достижения поставленной цели были использованы следующие основные методы научного исследования: описательно-аналитический, дистрибутивный, семантико-стилистический и квантитативный.

Изучение образного потенциала лексических единиц представляется весьма актуальным в контексте освещения ряда проблем гуманитарных наук. Своеобразным толчком для проведения исследования послужили наблюдения Н. Д. Арутюновой, связанные с описанием взаимодействия имен чувств с предикатами (в большинстве случаев – с глаголами). По мнению ученого, при функционировании наименований чувств в рамках металогического стиля в большинстве случаев формируется образ воды, жидкого тела [Арутюнова, с. 389]. С нашей точки зрения, было бы целесообразно продолжить изучение проблемы, в том числе за счет расширения эмпирической базы исследования, что позволило бы уточнить, конкретизировать данный вывод. Ведь, как известно, привлечение дополнительных фактов, применение другой методики исследования в ряде случаев позволяют получить новые данные по изучаемому вопросу или конкретизировать какие-то общие положения. Поэтому при анализе образных возможностей лексем *радость* и *грусть* мы ориентировались на иной подход, а именно на методику исследования образных парадигм Н. В. Павлович [Павлович]. Для анализа, как правило, привлекались те контексты, в которых образные свойства рассматриваемых слов актуализировались путем намеренного сближения с предметными лексемами. Таким образом, теоретическую основу нашего исследования составили работы ученых, в которых развивается идея парадигматичности образа. В соответствии с этой методикой анализа поэтический образ обусловлен не только данным контекстом, он реализует некий инвариант. Инвариант образа представляет собой сложный смысл, возникающий в результате сравнения понятий,

находящихся в отношении противоречия. Множество образов, в которых реализуется инвариант, предлагается называть парадигмой образов [Там же, с. 24–28, 48]. В каждой образной парадигме (или модели) обычно выделяются два основных элемента: X (левый член парадигмы, предмет сравнения) и Y (правый член парадигмы, образ сравнения). В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь ту часть языкового материала, в которой лексемы *радость* и *грусть* как элементы лексического ряда, относящегося к понятию «ментальное», замещают позицию левого члена образной парадигмы. Анализ стихотворных произведений обозначенного периода позволил выделить следующие наиболее объемные общие типы парадигм.

1. В первую очередь рассмотрим случаи сочетания с наименованиями эмоций тех слов, которые относятся к понятию «вода». В эту часть картотеки входит около 25 % всех парадигм, в которых позицию X замещает слово *радость* (а) и около 10 % случаев использования в той же позиции лексемы *грусть* (б). Образность анализируемых лексем репрезентируется благодаря употреблению таких субстантивов, как: а) *вода, родник, ключ, роса, пена* и б) *вода, море, ручеек, капля* и др. Например: *И радость тихая блеснет / Росой целебной на старые печали.* (Э. Губер. «Мой третий сон рисует мне...»); *Он хочет, чтоб робкая балалайка / заплакала скрипкой, забилась в припадке, / чтоб ручейком понеслась от скамейки / мальчишечья грусть.* (Я. Смеляков. «Юношеская поэма») [НКРЯ]. Как видим, лексические ряды, элементы которых выступают в качестве образа сравнения, обнаруживают определенное своеобразие.

Имея в виду функционирование первого слова, следует отметить еще одну особенность. Дело в том, что выявлена группа примеров, которые не поддаются четкой дифференциации: в определенной степени их можно отнести и к парадигме «радость → вода», и к модели «радость → еда», например: *С вами я радость полным бокалом / Пью – и горю вашей мечтой...* (В. Александровский. «Радуюсь взлетам ваших исканий...»); *Узнавши сих восторгов сладость, / Я пью из полной чаши радость...* (В. Катаев. «Батюшков») [Там же]. Очевидно, что образ сравнения (жидкое тело) здесь выражен в косвенном, неявном виде, однако по таким элементам контекста, как *бокал, чаша*, можно считать, что эмоция радости сравнивается либо с вином, либо с питьевой водой, следствием чего является неоднозначный характер интерпретации модели.

Кроме того, анализ функционирования лексем *радость* и *грусть* позволил выявить между

ними различие количественного характера: слово *радость* более чем в два раза чаще сближается с обозначениями воды, чем лексема *грусть*.

2. Объемной является также та часть примеров, в которых рассматриваемые лексемы сочетаются со словами, обозначающими живой предмет: более 11 % употребления лексемы *радость* и около 23 % случаев использования слова *грусть*. Таким образом, сделанные подсчеты позволяют говорить о количественном доминировании второго слова. Анализ слов, выступающих в позиции правого члена парадигмы, также выявляет существенные различия. Эмоция радости в большинстве случаев сравнивается с животными, то есть Y представлен бестиальными субстантивами женского рода (*лисица, белка, птица, голубица, плотвица, улитка*), например: *Они верили в то, что радость – птица, / И радость была большим крылом...* (Н. Тихонов. «Человек севера») [Там же]. Иногда в позиции правого члена данной модели употребляются личные существительные как мужского, так и женского рода: *гость, отрок, жена, девчонка*.

Что касается использования лексемы *грусть*, то здесь прослеживается обратная закономерность: в значительной части примеров образный потенциал этого слова раскрывается благодаря использованию таких личных существительных, как *бабушка, дева, гостья, сербка, затворница, злодейка* и др. Приведем один из фрагментов стихотворного текста: *...Любовью к милому я в девичьих песнях зовусь, / Любовью к былому зовет меня бабушка Грусть...* (Л. Мартынов. «Любовь») [Там же]. В позиции образа сравнения отмечаются и бестиальные существительные (*лошадь, птица, змея*); причем наиболее часто используются названия пернатых – кроме обозначения родового понятия, также его производное *птичка* и гипонимы *галка, чайка, коршун*.

3. В целом ряде случаев рассматриваемые имена чувств сближаются со словами, которые входят в понятие «ментальное», обозначая различные состояния, эмоции человека. Лексема *радость* сочетается со словами *сон, любовь, упование* (9,3 % случаев), в то время как слово *грусть* используется с существительными *радость, тоска, скорбь, ужас, томление* (около 17% употребления). Например: *Были дни – и я любила / Сны о радости земной; / Но надежда изменила; / Радость – сон в судьбе моей.* (А. Кольцов. «Сирота»); *Я сказала ветру: ветер, / Грусть-тоску мою развей...* (С. Дрожжин. «Песня») [Там же].

Обращает на себя внимание тот факт, что лексемы *радость* и *грусть* иногда используются со словами, называющими эмоции и состояния

противоположного характера. Подобное функционирование лексических единиц свидетельствует о сложности переживаний лирического героя, амбивалентности его мироощущения, например: *Отчего ж былого счастья / Мне теперь ничуть не жаль, / Отчего бывая радость / Безотраднa, как печаль..?* (Я. Полонский. «Лунный свет»); *Я живу, а сам не знаю, / Наяву али во сне? – / Грусть, как радость, сердце нежит...* (С. Клычков. «Грежу я всю жизнь о рае...») [Там же].

4. Следующая модель выделена на основе обобщения тех фрагментов текстов, в которых анализируемые лексемы сближаются со словами, выражающими понятие «свет». При этом образный потенциал лексемы *радость* раскрывается за счет использования слов *солнце, зарница, радуга, молния* (8,3 % примеров), слово *грусть* сочетается с лексическими единицами *свет, луч, закат, отблеск* (примерно 11 % употреблений). Подтвердим сделанное наблюдение иллюстративным материалом: *«Он, он!» И молнией блеснула / Ей радость. Взор мгновенно просветлел...* (А. Майков. «Машенька»); *Моя в веках перегорающая грусть – / Свет!* (А. Белый. «Нет») [Там же].

5. Немало случаев, когда слова *радость* и *грусть* сближаются с лексическими единицами, объединяемыми понятием «пространство» (6,7 % и более 13 % случаев употребления соответственно). Первое слово в большей части примеров сближается с обозначениями воздушного пространства (*небо, воздух* и др.). Приведем пример: *Ярость полчищ миллионных, / Гул рыданий миллионных, / Миллионам – скрип ярма. / Значит, молодость и радость, / Как краснеющее небо, / В ночь бездонную сползут.* (О. Мандельштам. «Жалоба девушки») [Там же]. Второе слово – *грусть* – сочетается только с обозначениями воздушного пространства, а именно со словами *дым, дымок, туман, облака, воздух*, например: *Суму дадут, – не спорь с судьбою; / У бога мы равны; пред ним / Смирися с детской простотою – / Ис сердца грусть слетит, как дым.* (А. Кольцов. «Маленькому брату») [Там же].

Кроме пяти совпадающих моделей, определены парадигмы, которые характерны только для одной из сравниваемых лексем. Анализ функционирования слова *радость* позволяет говорить о трех моделях, характеризующих своеобразие образного потенциала данной лексической единицы. Первая из выявленных парадигм объединяет такие случаи употребления лексемы, когда ее образные возможности реализуются благодаря сближению со словами *огонь, огонек, пламя, искра* (7,4 % картотеки). Одна из единиц этого лек-

сического ряда, относящегося к понятию «огонь», представлена в следующем примере: *Дайте любви мне – радость безумная / Вспыхнет, как пламя, в крови...* (Н. Некрасов. «Песня») [Там же].

Еще одна модель выделена благодаря анализу группы текстовых примеров, в которых позицию правого компонента парадигмы замещают лексемы, относящиеся к понятию «еда» (6,3 % использования). В качестве образа сравнения выступают такие слова, как *хлеб, соль, сахар, вино*. Подтвердим сказанное текстовым примером: *Радость – как хлеб человеку!* (С. Кржижановский. «И слово плотью стало...») [Там же].

Менее объемная в количественном отношении парадигма может быть сформирована на основе анализа тех фрагментов поэтических текстов, в которых образность лексемы *радость* раскрывается через звуковые ассоциации (5,6 % употребления). В позиции правого члена модели выступают лексические единицы *звень, мелодия, песня* и т. п., например: *Ведь радость бывает редко, / Как вешняя звень поутру, / И мне – чем сгнивать на ветках – / Уж лучше сгореть на ветру.* (С. Есенин. «Заря окликает другую...») [Там же].

Что касается реализации образных потенциалов лексемы *грусть*, то в ходе анализа выявлена лишь одна парадигма, в которой позицию X замещает данное наименование эмоции. Речь идет о случаях сочетания лексемы *грусть* с названиями веществ (*ладан, отравы, яд, мрамор* и др.), что составляет более 9 % употреблений. Эта образная модель представлена в следующем примере: *И потому мне / В душу грусть / Вошла, как горькая отравы.* (С. Есенин «Мой путь») [Там же].

Изучение функционирования лексем *радость* и *грусть* в поэтическом дискурсе позволило сделать следующие обобщения. Образно-ассоциативные возможности данных слов довольно широки и во многом совпадают. Об этом свидетельствует тот факт, что в качестве предмета сравнения они могут быть включены в пять общих (совпадающих) парадигм: «ментальное → вода», «ментальное → существо», «ментальное → ментальное», «ментальное → свет», «ментальное → пространство». Сходство лексем с точки зрения реализации их образных возможностей обусловлено принадлежностью к одной семантической зоне – обозначение чувств. Однако при этом обнаружены некоторые несовпадения в составе лексических рядов, элементы которых выступают в качестве образа сравнения. Рассматриваемые слова различаются и по объему образных парадигм: наибольшее количество примеров, от-

носящихся к сфере функционирования лексемы *радость*, входит в модель «ментальное → вода», для слова *грусть* наиболее объемной по количеству примеров является парадигма «ментальное → существо».

Значимый характер имеют несовпадения с точки зрения количества образных моделей, характерных для каждого из данных слов. Изучение функционирования лексемы *радость* позволило выявить 8 парадигм: кроме 5 перечисленных выше общих парадигм, отмечены модели, где в позиции Y выступают слова, объединяемые понятиями «огонь», «еда» и «звук». При анализе употребления слова *грусть* выделено 6 моделей: помимо совпадающих парадигм, определена модель, в которой образ сравнения выражается лексемами, относящимися к понятию «вещество». Эти наблюдения позволяют сделать вывод о большем образном потенциале лексемы *радость* по сравнению со словом *грусть*. Указанное различие объясняется своеобразием выражаемых эмоций, что проявляется как в семантике, так и синтагматике лексических единиц.

Интерес представляет сравнение количественного соотношения парадигм, выделенных в процессе анализа текстов, принадлежащих разным временным периодам. Такой подход позволяет выявить динамику изменений в употреблении рассматриваемых слов. Анализ языкового материала показал, что большинство моделей, вычлененных при изучении поэтических текстов XIX века, существенно не отличается от аналогичных парадигм, полученных при анализе стихотворных произведений XX столетия. Некоторые количественные различия отмечаются по следующим моделям. Изучение функционирования лексемы *радость* в произведениях прошлого века свидетельствует об увеличении (примерно на 8 %) объема парадигмы «ментальное → вода» по сравнению с предыдущим периодом. В то же время зафиксировано уменьшение (на 12 %) случаев использования этой лексемы в позиции левого компонента модели «ментальное → свет» в поэтических текстах XX века, в отличие от предшествующей эпохи.

В плане аксиологической характеристики обозначаемых эмоций следует сказать, что она не лишена противоречий. В то же время нельзя не отметить того факта, что функционирование лексемы *радость* отражает более четко выраженную положительную оценку этой эмоции. Об этом свидетельствует, в частности, модель, в которой образ сравнения передается словами *хлеб*, *соль*, *мед*, *сахар*, относящимися к понятию «еда». Известно, например, что сравнение эмоции радости с хлебом, а также с хлебом и солью, пред-

ставляющими в этнокультуре славян символ благополучия и гостеприимства, показывает высокую степень аксиологической оценки этого чувства [Хайрутдинова, 2016, с. 68-69].

Необходимо также отметить, что изучение особенностей употребления слов *радость* и *грусть* в стихотворных текстах соответствует не всем наблюдениям Н. Д. Арутюновой, сделанным благодаря анализу предикатов, обслуживающих имена чувств. С точки зрения исследователя, доминирующим при образном описании чувств является «представление о них как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце» [Арутюнова, с. 389]. Результаты проведенного нами анализа свидетельствуют о том, что этот вывод подтверждается лишь на материале функционирования лексемы *радость*. Что касается реализации образных возможностей слова *грусть*, то доминирующим является представление об этой эмоции не как о жидком теле, а как о существе – человеке или животном.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Метафора в языке чувств // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 385–402.
- Бабкина А. Ю. Семантические особенности наименований чувств и эмоций человека в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 22 с.
- Кирьякова О. И. Лексико-семантическая репрезентация концепта «радость» в английском и русском языках: на материале переводов художественных текстов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 23 с.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 19.01.18).
- Озерова Е. Г., Покручина М. Ю. Концепт «радость» в лингвокультуре русского языка и его репрезентация в русских прозаических текстах // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 29. № 7 (228). С. 37–43.
- Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Типография Россельхозакадемии, 1995. 491 с.
- Стефанский Е. Русские концепты «печаль», «грусть» и «тоска» на фоне польской и чешской лингвокультур // Przegląd Wschodnioeuropejski, 2011. № 2. С. 329–345.
- Хайрутдинова Г. А. К проблеме образности языковых единиц (на материале анализа образного потенциала лексемы *берег* // Казанская наука. 2014. № 9. С. 149–152.
- Хайрутдинова Г. А. О функционировании лексемы *радость* в художественной речи (на материале стихотворных произведений XX века) // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 4(46). С. 65–70.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

References

Arutiunova, N. D. (1999). *Metafora v iazyke chuvstv* [Metaphor in the Language of Feelings]. Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka*. Pp. 385–402. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Babkina A. Iu. (2008). *Semanticheskie osobennosti naimenovaniy chuvstv i emotsii cheloveka v sovremennom russkom iazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Features of the Names of Human Feelings and Emotions in Modern Russian: Ph. D. Thesis Abstract]. Kazan', 22 p. (In Russian)

Khairutdinova, G. A. (2014). *K obraznosti iazykovykh edinits (na materiale analiza obraznogo potentsiala leksemy bereg)* [On Figurativeness of Linguistic Units (Based on the Analysis of the Figurative Potential of the Lexeme “берег”)]. *Kazanskaia nauka*. No. 9, pp. 149–152 (In Russian)

Khairutdinova, G. A. (2016). *O funktsionirovanii leksemy radost' v hudozhestvennoi rechi (na materiale stihotvornykh proizvedenii XX veka)* [On the Functioning of the Lexeme *радость* (Joy) in Fictional Speech (Based on the Twentieth Century Poetic Works)]. *Philologia i cultura. Philology and Culture*. No. 4(46), pp. 65–70. (In Russian)

Kir'iakova, O. I. (2009). *Leksiko-semanticheskaia reprezentatsiia kontsepta “padost'” v angliiskom i russkom iazykah: na materiale perevodov hudozhestven-*

nyh tekstov XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Lexical-Semantic Representations of the Concept “Joy” in the English and Russian Languages: Based on Translations of Nineteenth Century Fiction: Ph.D. Thesis Abstract]. Tambov, 23 p. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (accessed: 19.01.18). (In Russian)

Ozerova, Ie. G., Pokruchina, M. Iu. (2016). *Kontsept “padost'” v lingvokulture russkogo iazyka i iego reprezentatsiia v russkikh prozaicheskikh tekstah* [The Concept “Joy” in the Culture of Russian Language and Its Representations in Russian Prose Texts]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 29. No. 7 (228), pp. 37–43. (In Russian)

Pavlovich, N. V. (1995). *Iazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom iazyke* [The Language of Images. Paradigms of Images in the Russian Poetic Language]. 491 p. Moscow, Tipografiia Rossel'khozakademii. (In Russian)

Shahovskii, V. I. (2008). *Lingvisticheskaia teoriia emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. 416 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

Stefanski, Ie. (2011). *Russkii kontsepty “pechal'” i “grust'” na fone pol'skoi i cheshskoi lingvokultur* [Russian Concepts “Печаль”, “Грусть” (Sadness) and “Тоска” (Yearning) Compared to Polish and Czech Linguistic Cultures]. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, No. 2, pp. 329–345. (In Russian)

The article was submitted on 17.02.2018
Поступила в редакцию 17.02.2018

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Kgulshat@yandex.ru

Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский государственный энергетический университет,
420066, Россия, Казань,
Красносельская, 51.
gflutfullina@mail.ru

Hayrutdinova Gulshat Ahmathanovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Kgulshat@yandex.ru

Lutfullina Gulnara Firdavisovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan State Power Engineering University,
51 Krasnoselskaya Str.,
Kazan, 420066, Russian Federation.
gflutfullina@mail.ru